

Глава 15. Годовой абонемент

«В пору Цинмина дожди льют без конца» — в последние годы Фу Цзяньси ощущал горькую правду этих поэтических строк особенно остро.

Воскресная смена в «Лазурном море и облачном небе» выдалась ночной, а в понедельник наступил сам праздник Цинмин — завершающий день трехдневных выходных. Покидая заведение, Цзяньси оседлал свой электроскутер, заехал за тремя порциями завтрака и покатил к дому Линь Буюй.

Семья Дацзяня собиралась помянуть усопших на кладбище, поэтому еще вчера днем он уехал к родителям. Линь Буюй позвонила ни свет ни заря: попросила привезти поесть, а заодно забрать гостинец, который её бабушка приготовила для покойных дедушки и бабушки Цзяньси.

— Оставь мне Сяо-Бая, я после обеда по магазинам проеду, — Линь Буюй выросла у ворот палисадника, наблюдая, как Фу Цзяньси паркует во дворе свой белоснежный скутер «Маленький Король Черепаш», который они ласково звали Сяо-Бай.

Подруга прекрасно знала: вернувшись с кладбища, Цзяньси завалится спать до самого заката. Так что ковать железо — то есть выбивать ключи — нужно было прямо сейчас.

— Чего? — Цзяньси обернулся. Линь Буюй красовалась перед ним в домашней пижаме, с растрепанными, похожими на воронье гнездо волосами — вылитая сумасшедшая. Он снял с руля пакеты с едой и протянул ей. — Ты себя в зеркале видела? В такой поминальный день выйти на улицу в подобном виде... Не боишься, что прохожие примут тебя за неупокоенную душу и закидают ритуальной бумагой?

— А-а-а-а! — взвизгнула Линь Буюй так громко, что под конец её голос сорвался на писк. — Ну и пусть я ведьма! А ты тогда — мой верный чертёнок, который притащил своей тётушке завтрак!

Фыркнув, она круто развернулась и зашагала обратно к себе. Цзяньси, крутя на указательном пальце связку ключей, двинулся следом.

— Бабушка Линь, доброе утро, — поздоровался он с пожилой женщиной, которая как раз выносила из кухни чистые тарелки и палочки, и сразу направился к умывальнику.

— Ах ты негодница, чего разоралась с утра пораньше? Голос как иерихонская труба, приличной девушке скромнее надо быть! — Бабушка Линь недовольно зыркнула на внучку, которая принялась нехотя выкладывать завтрак на блюдо.

— Бабушка! — заныла Линь Буюй, надув губы. — Он обозвал меня призраком! Скажи ему!

— Да ну? — старушка окинула внучку критическим взглядом. — А ведь Цзяньси правду говорит. Какая нормальная девка станет расхаживать лохматой? А балахон-то на тебе какой — вылитый театральный костюм из наших старых постановок. Срамота! — Бабушка Линь безразлично подергала край безразмерной пижамы Буюй.

— А-а-а! — снова заверещала Буюй.

По разрушительной силе её крик вполне мог соперничать с фирменным грохотом дверей в исполнении Дацзяня. Выйдя из глубины дома, Цзяньси мельком глянул сквозь деревянный штакетник на карниз собственного крыльца. Ему показалось, или от этой звуковой волны со стены действительно посыпалась штукатурка?

Потрясающий талант, ничего не скажешь!

Покончив с едой, все трое стали собираться на выход. За Линь Буюй и бабушкой должны были заехать родители, чтобы вместе отправиться на могилу деда. Цзяньси тоже торопился почтить память своих стариков.

Забрав укутанную в платок коробочку, которую передала бабушка Линь, он вернулся к себе, переоделся, аккуратно уложил в сумку поминальные подношения и запер дверь.

После смерти деда Цзяньси не стал следовать его воле и оставлять урны с прахом в унылом колумбарии при крематории. Вместо этого он потратил изрядную долю дедовских сбережений, чтобы выкупить участок на кладбище и похоронить стариков вместе.

При жизни дедушка был довольно известным оперным артистом — вся его жизнь прошла в свете софитов, в блеске и славе. На пике своей карьеры, во время зарубежных гастролей, он встретил будущую супругу — очаровательную девушку-метиску с китайскими корнями. Бабушка Фу Цзяньси стала живым воплощением фразы «переплыть океан ради встречи с любимым».

Яркая, пылкая красавица и мягкий, утонченный интеллигент.

Их любви завидовали все вокруг.

Один блистал на сцене, другая создавала уют за кулисами — так рука об руку они прожили бурную, счастливую жизнь.

Цзяньси не хотел, чтобы в ином мире его самые близкие люди ютились в тесных казенных ячейках. Он обустроил для них тихий, уединенный приют. Конечно, он понимал, почему дед просил сэкономить. Тот хотел оставить внуку побольше денег и дом, чтобы сироте не пришлось слишком туго в одиночестве.

Но деньги — дело наживное, их всегда можно заработать. А вот удастся ли теперь отстоять этот старый семейный дом?

Сделав две пересадки на автобусах, Цзяньси сошел на остановке у кладбища Восточных гор и купил в придорожной лавке охапку свежих цветов. Прижимая букет к груди, он влился в молчаливую людскую реку, медленно поднимавшуюся по каменным ступеням на склон.

Шальной весенний ветер кружил в воздухе едва ощутимую изморось. Натянув козырек кепки поглубже, Цзяньси шел без зонта — обе его руки были заняты вещами.

Могила бабушки и дедушки находилась на самом перевале. В ясную погоду с утра до полудня здесь всегда было солнечно и светло. Сегодня же небо затянуло глухим свинцом, а висевшая в воздухе водяная пыль лишь усугубляла тоскливую, торжественную атмосферу.

Моросило уже больше двух часов; подернутые влагой надгробия тускло поблескивали, избавившись от вековой пыли.

Достав салфетку, Цзяньси бережно протер гранитную плиту и портреты на ней. Положил букет, затем достал коробку, бережно собранную бабушкой Линь.

Внутри красовались сладости ручной работы — гороховый пирог, зеленое и красное бобовое печенье. Три цвета, три любимых вкуса его стариков. Парень грустно улыбнулся и принялся раскладывать остальные подношения.

— Дедушка, бабушка, я пришел. Скучали по мне? — негромко заговорил он, продолжая возиться у плиты. Голос его звучал спокойно и обыденно. — Бабушка Линь передала ваши любимые сладости, а я купил цветы, которые так нравились бабуле...

Тихий шепот растворялся в пелене дождя. Склонившиеся перед могилами безмолвные фигуры сквозь серую дымку казались зыбкими призраками.

— Фу Тяньюй вернулся. Через пару дней я притащу его сюда, к вам, — Цзяньси в подробностях рассказал обо всем, что случилось за последние две недели.

Спустя полчаса, отвесив три земных поклона, он поднялся и пошел обратно.

На лестнице толкались люди — кто-то поднимался, кто-то уже шел к выходу. Сдвинув козырек ниже, Цзяньси внимательно смотрел под ноги, на скользкие каменные ступени. Вокруг сновали прохожие, шуршали шаги, но в этой сутолоке почти никто не разговаривал.

В кармане завибрировал телефон. На экране высветилось имя: Мэй Цзюнь.

«Он что, даже в праздники дела не откладывает? Или люди его круга привыкли решать вопросы именно в поминальные дни?»

— Алло, — нахмурившись, ответил Цзяньси.

— Ты где сейчас? Перекусим вместе? — раздался в трубке бодрый голос Мэй Цзюня.

— Занят, — отрезал парень. Он понимал, что оформление документов для отправки отца за границу близится к финалу, но сегодня у него совсем не было настроения вежливо поддерживать пустую беседу.

— Даже если нам по пути? — хмыкнул Мэй Цзюнь и тут же вполголоса добавил кому-то в сторону: — Ну и глазомер у тебя. И правда он.

Цзяньси замер на месте.

Если Мэй Цзюнь утверждает, что они столкнулись случайно и он его видит, значит, он стоит где-то позади или сбоку. Сбросив вызов, Цзяньси огляделся. Справа среди склоненных у надгробий силуэтов знакомой фигуры не было. Чтобы не мешать идущим следом людям, он отошел к краю лестницы и обернулся. Так и есть: ступенями ниже Мэй Цзюнь махал ему рукой. А рядом с ним стоял Фан Юй.

— Надо же, какая встреча. Судьба прямо-таки сталкивает вас лбами, а ты всё упускаешь шансы, — Мэй Цзюнь ухмыльнулся, косясь на Фан Юя.

Тот лишь слегка приподнял уголок губ, промолчав. Он посмотрел на Цзяньси. Чистый, глубокий взгляд парня выдавал сильную усталость. Черная кепка подчеркивала аристократичную бледность лица. Темная расстегнутая ветровка, простая белая футболка под ней, подвернутые черные джинсы и темно-коричневые ботинки. Этот мальчишка умудрялся выглядеть невероятно стильно и броско даже в таком мрачном, будничном наряде.

— На чем добрался? — спросил подошедший Мэй Цзюнь.

— На автобусе, — коротко бросил Цзяньси.

Они втроем не торопясь двинулись к подножию горы.

— Раз уж пересеклись, давай не будем откладывать. Перекусим где-нибудь, заодно обсудим бумаги, — предложил Мэй Цзюнь.

— Ладно, — согласился Цзяньси, продолжая уныло смотреть под ноги.

Разговор не клеился. Точнее, молчали двое — Фан Юй за все время не проронил ни слова.

Уже у самых ворот Мэй Цзюнь повернулся к парню:

— К дедушке с бабушкой ходил?

Цзяньси молча кивнул. Он не сомневался, что Мэй Цзюнь досконально изучил не только подноготную Фу Тяньюя, но и его собственную биографию.

«М-да, в умении заполнять неловкие паузы бессмысленной болтовней Мэй Цзюню до Дацзяня далеко — тот в этом деле настоящий гроссмейстер. Хотя они вполне могли бы посоревноваться».

Чтобы разбить затянувшееся молчание, Цзяньси вопросительно посмотрел на Мэй Цзюня.

Тот мгновенно понял намек и поспешил объясниться, хлопнув по плечу молчаливого спутника:

— Не подумай ничего такого, я за компанию. У Фан Юя здесь родители похоронены.

Цзяньси перевел взгляд на Фан Юя. Их глаза встретились; Фан Юй выдавил из себя подобие вежливой улыбки. Цзяньси тут же отвернулся и ускорил шаг.

«Родители Фан Юя? Сирота, значит? Вот почему он вырос таким... прибабахнутым?»

Они сели в машину и покинули кладбище. В салоне по-прежнему солировал один Мэй Цзюнь, безуспешно пытаясь расшевелить попутчиков. Было заметно, что дается ему это с огромным трудом — бедняга то и дело замолкал, словно на грани удушья от всеобщего безразличия.

Цзяньси не спал уже больше двадцати часов подряд — как проснулся вчера в полдень, так и крутился белкой в колесе. В голове шумело, мысли ворочались лениво, поддерживать беседу не хотелось совершенно. Машина шла мягко и ровно, и в какой-то момент парень поймал себя на том, что проваливается в дремоту.

— Приехали. Перекусим здесь, это наше излюбленное местечко, — обернувшись к замершему на заднем сиденье Цзяньси, сообщил Мэй Цзюнь.

Парень прищурился, разглядывая вывеску ресторанчика гонконгской кухни.

Надо же, они приехали именно к этому заведению. Он сам частенько бывал здесь с Дацзянем и Линь Буй. Подруга обожала местный чай с молоком, Дацзянь всегда заказывал фирменную лапшу, а сам Цзяньси предпочитал травяное желе и говядину.

Они зашли внутрь и устроились за столиком, который, судя по всему, был постоянным местом Мэй Цзюня и Фан Юя. Мэй Цзюнь привычным жестом пробежался по меню, быстро сделал заказ и протянул карту Цзяньси.

Сейчас Цзяньси отчаянно нуждался в заряде бодрости, поэтому попросил принести лишь двойной эспresso. Фан Юй продолжал играть в молчанку, медленно потягивая воду с лимоном. Время от времени он бросал задумчивый взгляд на сидящего напротив парня, после чего снова утыкался в окно с крайне загадочным видом.

— Контракт будет готов завтра-послезавтра, — нарушил молчание Мэй Цзюнь, сделав глоток воды. — Отдашь своим юристам на проверку. Если возникнут вопросы — обсудим.

— Куда его отправят? — поинтересовался Цзяньси. Раз уж папашу ссылают на заработки под надзор людей Мэй Цзюня, хотелось бы знать географию.

Мэй Цзюнь усмехнулся:

— В Юго-Восточную Азию. На один очень милый курортный островок, — он внимательно следил за реакцией собеседника, но лицо парня оставалось абсолютно бесстрастным, словно маска.

— На остров? И чем он там будет заниматься? В договоре все прописано? — не удержался от расспросов Цзяньси.

— Обижаешь, парень. Я тебе не подпольный торговец людьми, — хмыкнул Мэй Цзюнь. — Остров принадлежит нашему боссу и его партнерам. Место закрытое, удрать оттуда не так-то просто. Меня больше волнует другое: как ты заставишь этого мерзавца быстро и без лишних вопросов подписать бумаги?

— А как вы обычно решаете такие вопросы? — прямо спросил Цзяньси. Он уловил намек. Сейчас они действуют официально, без привычных для парней Мэй Цзюня жестких методов. Но где гарантия, что в один прекрасный день Фу Тяньюй не вернется и не попытается отыгаться?

— Как мы обычно...? Слышь, малец, полегче на поворотах. Не надо вешать на меня ярлыки. Я честный предприниматель, ясно тебе? Какое еще «обычно»? — Мэй Цзюнь сощурился, в его голосе проскользнули угрожающие нотки.

— Неужели? — Цзяньси даже не подумал отвести взгляд.

— Ха! — Мэй Цзюнь не выдержал и покачал головой, пряча ухмылку.

Нам принесли еду. Похоже, Фан Юй и Мэй Цзюнь ушли из дома не позавтракав — они тут же принялись за еду, забыв о разговорах. Цзяньси, быстро осушив первую чашку кофе, заказал вторую.

— Отработал ночную смену и глушишь кофе литрами? — внезапно подал голос Фан Юй.

Мэй Цзюнь замер с палочками у рта, а Цзяньси едва не поперхнулся. Им обоим понадобилось пару секунд, чтобы переварить эту реплику.

Цзяньси посмотрел на Фан Юя. Столкнувшись с ним взглядом, он ровно ответил:

— На меня ни кофе, ни крепкий чай особо не действуют.

Кажется, это был их первый нормальный, человеческий диалог без взаимных шпилек. И оттого повисшая за столом пауза показалась еще более неловкой.

«Постойте... Ночная смена?»

«Этот ублюдок опять за мной следил?!»

Остатки неловкости мгновенно улетучились. Цзяньси в упор уставился на Фан Юя.

Тот сидел с самым невинным видом, лишь уголки его губ поползли вверх, а в глазах зажглись насмешливые искры.

Цзяньси прищурился, буравя его ледяным взглядом:

— Слышь, может, мне тебе сразу годовой абонемент выписать?

Улыбка Фан Юя стала еще шире.

— Как постоянному клиенту? С новогодней скидкой?

— Именно, — процедил Цзяньси, не сводя с него глаз.

— И какие услуги входят в пакет? — Фан Юй вальяжно откинулся на спинку стула, откровенно разглядывая парня.

— Любые капризы за твои деньги, — Цзяньси скривил губы в издевательской усмешке.

Фан Юй заворожено смотрел на эту ухмылку. Он помнил её слишком хорошо — именно так Цзяньси улыбнулся ему перед уходом в их самую первую встречу в «Лазурном море и облачном небе». Холодная, дерзкая, вызывающая... Но Фан Юй отчетливо улавливал в ней тонкий налет скрытого вызова. Игры на грани фола.

— Кха-ха! — Мэй Цзюнь не выдержал. Его плечи затряслись от смеха, который он безуспешно пытался сдержать, уткнувшись в ладонь. — Ну вы, блин, даете! Ребят, возьмите меня в долю, а? Охренеть вы развлекаетесь!

Мэй Цзюнь ржал до слез, дружески похлопывая Фан Юя по плечу и переводя ошалелый взгляд с одного на другого.

— Так, ладно, парень, давай-ка я представлю его тебе заново, — Мэй Цзюнь оперся локтями о стол и посерьезнел. — Это Фан Юй, мой названный брат. Мы вместе выросли в одном детдоме, так что секретов тут нет. Но суть в другом. С виду он, конечно, кажется тем еще прохвостом, но на самом деле...

— На самом деле он конченный мерзавец, — бесцеремонно перебил его Цзяньси, одарив Фан Юя очередным тяжелым взглядом.

Фан Юй даже бровью не повел. Он продолжал сверлить парня немигающим взглядом, полным азарта и плохо скрываемого интереса.

Именно поэтому Цзяньси и не дал Мэй Цзюню договорить.

Надо быть слепым придурком, чтобы разглядеть в этом типе хоть каплю порядочности. Смотрит так, словно уже мысленно раздел.

То, что у него не было родителей, не давало ему права расти моральным уродом и портить жизнь окружающим. На других Цзяньси было плевать, но если этот хлыщ решит поиграть с ним — что ж, молодой господин Фу лично втопчет его в грязь и сотрет в порошок.

<http://bllate.org/book/18325/1759668>